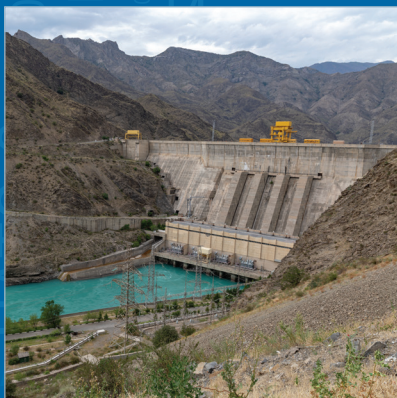

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

ДОКЛАД

**РОССИЯ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОГРАНИЧЕНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

№ 49 / 2019

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

**РАБОЧАЯ ГРУППА ПО БУДУЩЕМУ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

МОСКВА 2019

УДК 327([470:73]:5-191.2)
ББК 66.4(2Рос),(7Сое),3(54)
К69

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И. С. Иванов**

Авторский коллектив:

канд. полит. наук **А.В. Картунов**, докт. филос. наук **М. Ларюэль**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**, канд. полит. наук **А. Толстухина, Р. Майка**

Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества : доклад
КСМД № 49/2019 / [А.В. Картунов, М. Ларюэль]; Российский совет по международным делам (КСМД). – М.: НП КСМД, 2019. – 40 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.
978-5-6042566-8-8

Данный доклад – результат исследований Рабочей группы по будущему российско-американских отношений, который первоначально был опубликован на английском языке в США. Авторы доклада проанализировали различные аспекты двустороннего и многостороннего взаимодействия России и США в регионе. В докладе приводятся рекомендации по нормализации отношений Москвы и Вашингтона в Центральной Азии.

УДК 327([470:73]:5-191.2)
ББК 66.4(2Рос),(7Сое),3(54)

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале КСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – **russiancouncil.ru/report49**

Содержание

Краткое содержание	4
Введение	6
Контекст двусторонних отношений в Центральной Азии	9
Значимы ли российско-американские отношения для Центральной Азии?	9
Россия и Соединенные Штаты: разная весовая категория	12
Многосторонность вместо двусторонности: чего хотят государства региона?	14
Различия в восприятии угроз в Центральной Азии	15
Соединенные Штаты Америки	15
Россия	18
Разногласия	22
Угроза суверенитету против сферы ответственности	22
Возможные и устойчивые переходы к демократии?	23
От Ирана до энергоносителей: другие потенциальные спорные вопросы	24
Борьба с терроризмом как возможность сотрудничества?	24
Потенциальные ниши для сотрудничества	28
Освоение космоса и смежные отрасли	28
Гражданская безопасность	28
Механизмы создания рабочих мест и развития человеческого капитала в сельской местности	29
Обмен знаниями	30
Присоединение к евразийским инфраструктурным проектам?	30
Многостороннее сотрудничество с ЕС, Китаем или Индией?	31
Заключение	32
Рабочая группа по будущему российско-американских отношений	34
Об авторах	37
Российский совет по международным делам	38

Краткое содержание

- Центральная Азия представляет собой сравнительно «спокойный» регион, в котором имеются ограниченные, хотя и немаловажные возможности для сотрудничества России и США как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах.
- Очевидно, что в качестве первого шага на пути к конструктивному взаимодействию обе державы должны перестать считать друг друга противниками в Центральной Азии. Противодействие друг другу в регионе — игра с нулевой суммой и для Москвы, и для Вашингтона, и для самой Центральной Азии.
- Любое предложение о российско-американском сотрудничестве в какой-то конкретной области должно быть сделано в трех- или многостороннем формате с участием заинтересованного государства (или заинтересованных государств) Центральной Азии и под его (их) непосредственным контролем.
- Отношения между Россией и США продолжают оставаться важными для Центральной Азии, однако эти отношения нельзя считать определяющими, поскольку в регионе действует немало других влиятельных игроков (таких как Китай) и самых разных региональных держав.
- Уровень влияния в Центральной Азии России и Соединенных Штатов различен. С точки зрения экономики и обеспечения безопасности, Соединенные Штаты являются для региона страной второго эшелона, в то время как Россия — первого, а Китай представляет собой и партнера, и конкурента.
- Глубокое различие в значении Центральной Азии для России и США (для Москвы этот регион имеет гораздо большее стратегическое значение, чем для Вашингтона) затрудняет их сотрудничество даже по вопросам, по которым они занимают схожие позиции.
- Россия и Соединенные Штаты расходятся в восприятии угроз в Центральной Азии. Это напрямую влияет на то, как формируется их политика в отношении региона, а также на возможные способы сотрудничества друг с другом.
- По ряду вопросов в Центральной Азии Москва и Вашингтон противостоят друг другу. Некоторые из имеющихся разногласий носят символический характер и никак не сказываются на практике. Другие же, напротив, оказывают влияние на формирование политики.
- Часто выделяется одна область потенциального сотрудничества, а именно: борьба с терроризмом. Несмотря на совпадающие интересы двух стран, подлинное сотрудничество в борьбе с терроризмом подразумевает обмен секретной разведывательной информацией, что практически невозможно в нынешней атмосфере недоверия, и взаимодействие

сводится лишь к экспертным дискуссиям и обмену опытом. Любое сотрудничество России и США в борьбе с терроризмом будет осложняться их расхождением во взглядах на корни, природу и движущие силы международного терроризма. Обе стороны подозревают друг друга по меньшей мере в косвенной поддержке отдельных радикальных групп, что затрудняет согласование любых совместных усилий сверх ситуативного сотрудничества.

- Другой потенциальной областью сотрудничества в Центральной Азии является борьба с незаконным трансграничным оборотом наркотиков в регионе. Однако существующее недоверие и асимметрия российских и американских приоритетов в Афганистане блокируют многие каналы партнерства в этой области.
- Однако общим у России и США является не только высокий уровень недоверия и чувство враждебности друг к другу. Есть ряд областей невоенного характера, взаимодействие в которых позволяет странам извлекать взаимную пользу. К ним относятся: освоение космоса, гражданская безопасность, механизмы создания рабочих мест и развития человеческого капитала в сельской местности, а также обмен позитивными социальными практиками.
- Учитывая плачевное состояние нынешних отношений между Россией и США, представляется политически целесообразным более активно и последовательно использовать имеющиеся в Центральной Азии возможности российско-американского сотрудничества. Чем больше такое сотрудничество будет носить не связанный с политикой технический характер, тем больше от него выиграют обе страны и регион в целом. Небольшие символические совместные проекты, нацеленные на укрепление безопасности и развитие региона, уже стали бы крупным достижением, демонстрируя, что взаимодействие России и США в регионе не обречено на превращение в игру с нулевой суммой.

Введение

Центральная Азия традиционно считается местом противостояния великих держав. Именно так она рассматривалась еще в конце XIX века в российско-британской «Большой игре», и такое восприятие стало вновь актуальным после распада Советского Союза, который вывел среднеазиатские республики на международную арену как новые независимые государства. Сегодня продолжает бытовать мнение, что этот регион является местом для «игры мускулами» как для мировых, так и региональных держав. Вместе с тем такой подход небесспорен по двум причинам. Во-первых, все мировые и региональные державы занимают там определенные ниши, в результате чего прямое соперничество между ними не является открыто конфронтационным. Во-вторых, государства Центральной Азии отнюдь не пассивные акторы и во многих отношениях сами устанавливают правила игры. К тому же им отлично удается играть на противоречиях между внешними игроками.

После вывода американских войск из Афганистана в 2014 году некоторые эксперты призывали к проведению Соединенными Штатами более амбициозной и/или реалистичной внешней политики в отношении Центральной Азии¹. Однако они не рассматривали критически важный вопрос о том, как политика США в регионе взаимодействует с политикой, проводимой Россией, как она накладывается на нее или вступает с ней в противоречие. Как бы то ни было, Соединенные Штаты никогда не имели в Центральной Азии достаточного веса, чтобы их предпочли России. Ежегодные опросы, проводимые с 2006 года Институтом Гэллага в Казахстане, показывают, например, что когда казахстанцев просят сделать выбор между Соединенными Штатами и Россией, подавляющее большинство неизменно отдает предпочтение России². Это свидетельствует о готовности Казахстана видеть в Соединенных Штатах ключевого партнера — что в полной мере относится по крайней мере и к Кыргызстану с Таджикистаном — только если их присутствие не вступает в конфликт с присутствием России. Вот почему Вашингтон заинтересован в поиске путей развития неконфронтационных отношений с Москвой по вопросам Центральной Азии.

Понятно, что рассмотрение российско-американских отношений и возможностей сотрудничества двух стран в Центральной Азии во времена крайне напряженных двусторонних отношений (на момент написания доклада в США

¹ Walker J., Kearney K., What Central Asia Means to the United States // The Diplomat. September 16, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/what-central-asia-means-to-the-united-states/>;
Cohen Ariel. America's Next Security Competition Will Be in Central // The National Interest. July 30, 2017. URL: <https://nationalinterest.org/feature/americas-next-security-competition-will-be-central-asia-21710>;
and Rumer E., Sokolsky R., and Stronski P., U.S. Policy Toward Central Asia 3.0 // Carnegie Endowment for International Peace Brief. January 25, 2016.

² Laruelle M., Royce D., Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia: Testing Variables of (Un)favorability // Central Asian Survey (готовится к публикации).

продолжается расследование вмешательства России в президентские выборы 2016 года) может кому-то показаться парадоксальным. Обе страны относятся друг к другу как к противникам, и Центральная Азия не может не ощущать общей атмосферы недоверия. Тем не менее мы считаем, что Центральная Азия представляет собой сравнительно «спокойный» регион, в котором существуют ограниченные, хотя и немаловажные, возможности для сотрудничества между Россией и США как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах. Более того, не стоит забывать, что такое сотрудничество когда-то существовало. В качестве примера можно привести и трехстороннее взаимодействие между Россией, Соединенными Штатами и Казахстаном по проблеме ядерной безопасности, и совместное заявление Обамы и Медведева по Кыргызстану в 2010 году³, и сотрудничество в мае 2017 года, в результате которого был предотвращен теракт в Санкт-Петербурге⁴.

Существуют очевидные расхождения в позициях России и Соединенных Штатов по отношению к региону, что частично объясняет сложность их сотрудничества даже по тем вопросам, по которым они занимают схожие позиции. Не вызывает сомнения, что для Москвы Центральная Азия гораздо важнее, чем для Вашингтона. Российские интересы в регионе являются многоплановыми, существенными и стратегическими, тогда как американские интересы связаны в основном со сферой безопасности и носят периферийный и ситуативный характер. За последние два десятилетия вовлеченность США в дела региона была обусловлена американским военным присутствием в Афганистане. Несмотря на эти расхождения, ни Россия, ни Соединенные Штаты не заинтересованы в скатывании Центральной Азии в пучину глубоких экономических, социальных и политических кризисов. Обе страны не хотят превращения региона в крупного мирового экспортера джихадистов и наркотиков, равно как и источника нелегальной миграции и трансграничной преступности. Кроме того, ни Москва, ни Вашингтон не будут приветствовать включение региона в исключительную сферу безопасности третьей державы.

Другим фактором, потенциально способствующим сближению России и США в Центральной Азии, является их растущее взаимное осознание ограниченности влияния и амбиций другой стороны в регионе. Сегодня Вашингтон может быть совершенно уверен, что государства Центральной Азии никогда не станут послушными марионетками в умелых руках Кремля, а у Москвы нет оснований опасаться, что в обозримом будущем эти государства могут превратиться в либеральные демократии западного типа и/или стратегических партнеров США. Понимание этого далось российским и американским

³ 24 июня 2010 года президенты двух стран выступили с совместным заявлением, в котором подтвердили общую заинтересованность в поддержке народа Кыргызстана в его усилиях по предотвращению дальнейшего насилия, решению нынешнего гуманитарного кризиса и восстановлению стабильности и демократии. См. U.S.-Russia Relations: 'Reset' Fact Sheet // The White House. Office of the Press Secretary. June 24, 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/us-russia-relations-reset-fact-sheet>

⁴ Телефонный разговор с Президентом США Дональдом Трампом // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 17 декабря 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56398>

лидерам непросто, но сегодня стороны проявляют меньшую обеспокоенность и больший реализм, чем двадцать лет назад, что разительно отличается от многих других областей взаимодействия между Россией и США.

Это не означает, что взаимодействие России и США в Центральной Азии можно легко вывести за скобки конфронтационной модели, которая характеризуют двусторонние отношения сегодня. Центральная Азия по-прежнему представляет собой более сложный и вызывающий разногласия регион, чем, к примеру, Арктика. Даже при самых благоприятных обстоятельствах российско-американское взаимодействие в Центральной Азии будет испытывать на себе негативное воздействие дефицита взаимного доверия и различных подходов к соседним государствам (достаточно назвать Китай, Иран и Афганистан). На него могут негативно влиять и другие аспекты отношений, такие как санкции США против России и российские контрсанкции. Могут ли две державы эффективно сотрудничать в Центральной Азии, сохраняя в целом враждебные отношения в большинстве других регионов? Отсюда вытекает и другой вопрос: может ли сотрудничество между Россией и США в Центральной Азии, если оно будет иметь место, стать катализатором общих позитивных перемен в господствующем ныне противостоянии?

Но даже отрицательные ответы на оба эти вопроса отнюдь не означают, что изучать возможности для ограниченного регионального сотрудничества не следует. В ожидании улучшения двусторонних отношений мы можем проложить путь к будущему сотрудничеству проведением экспертных дискуссий по возникающим вопросам с тем, чтобы отслеживать текущие изменения и подготовиться к созданию новых союзов, когда позволят политические условия. В то же время обе стороны должны быть готовы к урегулированию кризиса, если он вдруг разразится в регионе, а также к выработке мер, которые позволят избежать его обострения и превращения в еще один осложняющий фактор и без того непростых двусторонних отношений⁵.

⁵ Мы выражаем искреннюю признательность Самуэлу Чарапу, Киту Дардену и Наргис Касеновой за комментарии к ранней редакции настоящего доклада. За все ошибки и интерпретации ответственность несут авторы.

Контекст двусторонних отношений в Центральной Азии

Прежде чем обсуждать состояние российско-американских отношений необходимо рассмотреть три вопроса.

Значимы ли российско-американские отношения для Центральной Азии?

Первый важный вопрос: имеют ли отношения между Россией и США какое-либо значение для Центральной Азии. Может показаться, что подобные вопросы — наследие холодной войны, которое лукаво игнорирует новую реальность на местах. И Россия, и США видят, что их влияние в мире в целом и в Центрально-Азиатском регионе в частности неуклонно снижается. В этой связи возникает другой вопрос: являются ли российско-американские отношения по-прежнему определяющими для региона?

Во внешней политике России и США Центральная Азия занимает разное место. США отводят Центральной Азии второстепенную роль. Независимо от того, что американские официальные лица могут заявлять публично, регион не представляет особой значимости для интересов национальной безопасности США. Для Вашингтона он важен только своими отношениями с другими странами: Россией, Китаем, Афганистаном, Пакистаном и Ираном. Ярким примером столь низкого статуса является деятельность Бюро по делам Южной и Центральной Азии в Государственном департаменте США, которая ориентирована в большей степени на Афганистан, Пакистан и Индию, чем на Центральную Азию. Во время обострения отношений с США в 2014 году из-за Украины президент России Владимир Путин заявил: «Что касается Украины... для нас это жизненно важно, а в Америке вопросы по Украине решались на техническом уровне»⁶. Те же слова вполне можно отнести и к Центральной Азии: в отличие от Соединенных Штатов, интересы Москвы в регионе являются жизненными.

Для России Центральная Азия — критически важный регион: превосходя по размерам Украину и Молдавию, чья принадлежность к Евразии не столь однозначна, он необходим Москве для утверждения себя в качестве стержня более крупного евразийского региона.

Для России Центральная Азия — критически важный регион: превосходя по размерам Украину и Молдавию, чья принадлежность к Евразии не столь однозначна, он необходим Москве для утверждения себя в качестве стерж-

⁶ В. Путин: Ситуация на Украине для России жизненно важна, а для США это технический вопрос // Взгляд. 23 мая 2014. URL: <https://vz.ru/news/2014/5/23/688192.html>

ня более крупного евразийской региона. Центральная Азия предоставляет естественный выход на обширные территории к востоку и югу от границ России и является частью потенциального Евразийского транспортного коридора Север-Юг. Взаимодействие России с регионом не имеет аналогов: в 2015 году Путин и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев встречались не менее тринадцати раз (в Москве, Астане и других местах) на форумах различных международных объединений, к которым принадлежат их страны. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан составляют ядро возглавляемых Россией многосторонних институтов на постсоветском пространстве в сфере безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности) и, в первую очередь, экономического сотрудничества (Евразийский экономический союз). Все центральноазиатские государства, за исключением Туркменистана, являются членами Шанхайской организации сотрудничества, а Казахстан и Туркменистан — полноправными участниками «Каспийской пятерки», объединяющей прикаспийские страны. Руководители стран Центральной Азии регулярно приглашаются на саммиты БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). При голосовании на Генеральной Ассамблее ООН Россия рассчитывает на голоса государств Центральной Азии, хотя принимаемые на ней решения не всегда отвечают ее чаяниям.

Русский язык продолжает оставаться языком межнационального общения в регионе, и многие коренные жители Центральной Азии продолжают получать образование в российских университетах. Русские диаспоры, хотя и поредевшие по всей Центральной Азии после распада СССР, по-прежнему играют важную экономическую, политическую и культурную роль в Казахстане и Кыргызстане. Центральная Азия остается также основным источником трудовых мигрантов в Россию. В крупных российских городах трудится много таджиков, узбеков и киргизов: их количество оценивается от 3 до 5 миллионов человек⁷. И, наконец, стремительное укрепление Китаем своих позиций в Центральной Азии усиливает стимулы для региональных экономических и политических элит искать противовес Пекину в Москве — среди прочих акторов. Как показала смена руководства в Ташкенте в сентябре 2016 года, отношения России со странами Центральной Азии очень устойчивы, и посткаримовский Узбекистан вновь сближается с Москвой после двух десятилетий непростых отношений.

Хотя все лидеры Центральной Азии стремятся диверсифицировать свои внешнеполитические портфели, сегодня, спустя почти три десятилетия после распада Советского Союза, Москва остается для региона критически важным политическим центром тяжести. Россия утратила гегемонию в регионе, но по важнейшим вопросам сохраняет статус «первой среди равных».

Вместе с тем характер взаимоотношений между Москвой и Пекином и их договоренности о партнерстве и конкуренции представляются гораздо

⁷ Доклад по международной миграции 2017 года // Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций. 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/население/миграция/публикации/igrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf

более важными для будущего региона и его возможностей для маневра, чем взаимоотношения между Россией и США. В среднесрочной перспективе вызов лидерству России в регионе может бросить Китай, причем не только в экономическом плане, что уже произошло, но и в сфере обеспечения безопасности. Влияние Москвы во многом продолжает базироваться на общем советском наследии, но не исключено, что с течением времени это влияние сохранится только на определенные группы, а контакты с остальным населением стран региона будут утрачены. Пока что Пекин, судя по всему, вполне устраивает «передача на аутсорсинг» Москве вопросов региональной безопасности — благодаря этому, продвижение Китая в Центральной Азии выглядит менее подозрительным и более безобидным.

Однако общая геополитическая логика может потребовать от Китая расширения своей деятельности и выхода за рамки коммерческих инвестиций. Четырехстороннее сотрудничество в области обеспечения безопасности между Китаем, Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном, хотя и очень скромное, свидетельствует о потенциальном интересе Китая к участию в обеспечении региональной безопасности⁸. Обеспокоенность Пекина может вызвать проникновение через Центральную Азию исламистских идеологий в его населенные мусульманами регионы. Кроме того, напряженность вокруг уйгурских «концентрационных лагерей», в которую оказались вовлечены и некоторые центральноазиатские диаспоры в Синьцзяне, может ухудшить партнерские отношения, установленные с этим регионом⁹. С другой стороны, Китай может быть заинтересован играть более активную роль в защите транспортных маршрутов, проходящих через Центральную Азию в рамках Инициативы «Пояс и путь». Нельзя исключать, что в будущем Китай захочет стать основным гарантом безопасности в регионе и потеснить с этой позиции Россию.

Более того, во всех центральноазиатских странах происходят глубокие общественные преобразования. Появляется новое поколение, которое, по сравнению со старшим, отличается большим национализмом и выражает недовольство патерналистским отношением к себе со стороны России. Это новое поколение также более консервативно и негативно воспринимает «либеральные ценности Запада»; оно склонно ассоциировать себя с новой исламской идентичностью и может оказаться в оппозиции к тому, как Москва и Вашингтон выстраивают свою стратегию в регионе. Общественное мнение в Центральной Азии не демонстрирует положительного отношения к Соединенным Штатам: в регионе продолжает нарастать критическое отношение к попыткам Запада экспортировать демократию и либеральные ценности. Отношение к России лучше, но и оно подвергается эрозии среди различных социальных и возрастных групп среднеазиатских народов, не-

⁸ China Joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in Security Alliance // Reuters. August 4, 2016.
URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-security-idUSKCN10F1A6>

⁹ Putz C., Carefully, Kazakhstan Confronts China About Kazakhs in Xinjiang Re-Education Camps // The Diplomat. June 14, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/carefully-kazakhstan-confronts-china-about-kazakhs-in-xinjiang-re-education-camps/>

смотря на общее советское прошлое и частичное возрождение социальной и культурной близости в результате ориентированной на Россию трудовой миграции¹⁰.

В регионе продолжает нарастать критическое отношение к попыткам Запада экспортировать демократию и либеральные ценности.

Следует отметить, что в глазах исламских фундаменталистов различия между американским «либеральным порядком» и российским «авторитаризмом» в лучшем случае незначительны. Обе системы рассматриваются как светские, морально ущербные и анти-исламистские. И участие США в Афганистане, и российская операция в Сирии называются «крестовыми походами неверных» против ортодоксального ислама. Между тем светским политическим лидерам Центральной Азии, судя по всему, придется заняться нахождением нужного баланса для своих стран между моделями Южной Кореи, Малайзии и Объединенных Арабских Эмиратов, а не делать выбор между моделями модернизации двадцатого века, предложенными Россией и Соединенными Штатами, чье влияние в регионе как образцов для подражания имеет тенденцию к снижению.

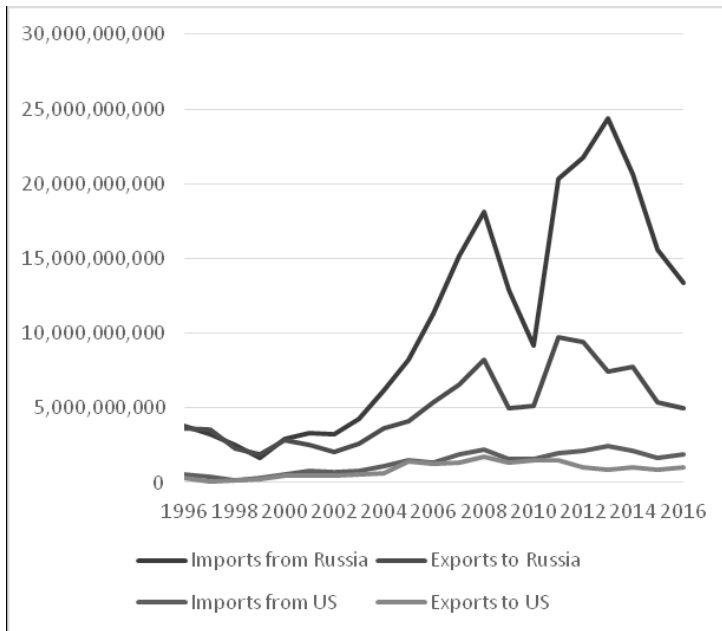
Россия и Соединенные Штаты: разная весовая категория

Россия и США обладают разным уровнем влияния в Центральной Азии. В геополитическом и экономическом отношении Соединенные Штаты являются для региона страной второго эшелона, в то время как первый представляют Россия и ее партнер и конкурент Китай. По торговле и инвестициям, а также помощи в целях развития Соединенные Штаты отстают даже от весьма значительных совокупных показателей европейских стран. В списке самых влиятельных экономических партнеров государств Центральной Азии Соединенные Штаты никогда не поднимались выше четвертой строчки.

Хотя в экономическом плане Соединенные Штаты и не занимают в регионе ведущих позиций, и их вовлеченность в обеспечение его безопасности снижается, значение США в регионе по-прежнему велико. Даже будучи для региона игроком второго плана, Вашингтон не перестает являться мировой державой и лидером коллективного Запада. Вот почему он продолжает играть решающую роль в обеспечении самостоятельности центральноазиатских государств и служить противовесом давлению со стороны России и Китая. Это подтверждается недавними инициативами США в регионе, такими как турне в октябре 2015 года госсекретаря Джона Керри по пяти центральноазиатским странам, последующий запуск инициативы C5 + 1 и ви-

¹⁰ Более подробно см. в готовящейся к выходу работе: McGlinchey E., Laruelle., Russian, Chinese, Militant, and Ideologically Extremist Messaging Effects on United States Favorability Perceptions in Central Asia // The U.S. Department of Defense and the U.S. Army Research Office / Army Research Laboratory under the Minerva Research Initiative, award W911-NF-17-1-0028.

Таблица 1. Товарооборот Центральной Азии с Россией и США
(в текущих ценах)

Источник: MIT Index of Economic Complexity

зиты президентов Назарбаева и Мирзиёева в Белый дом в январе и мае 2018 года соответственно. Все центральноазиатские лидеры признают, что даже без военного присутствия, прочных экономических связей и тесных дипломатических контактов Соединенные Штаты по-прежнему играют в регионе важную роль.

Любое сравнение между присутствием России и США в регионе должно учитывать различия в природе их соответствующих влияний. Россия опирается на многовековое взаимодействие, территориальное единство и взаимодополняемость, а также на конкретную и внятную внешнюю политику. Россия участвует в региональных институтах, двусторонних и многосторонних бюджетных ассигнованиях (по российским данным, с начала 1990-х гг. она инвестировала в регион в общей сложности 18 млрд долл.¹¹), поддерживает тесные дипломатические связи и сочетает применение инструментов жесткой и мягкой силы. У Соединенных Штатов таких преимуществ нет, и в их распоряжении имеются лишь скромные и косвенные возможности, в том числе ассигнования Конгресса на C5 + 1 в размере 15 млн долл. и бюджет помощи на 2017 финансовый год порядка 149 млн долл. для всех пяти государств. В 2018 году этот бюджет был урезан почти вдвое.

¹¹ Сайт МИД РФ, Россия и Центральная Азия, URL: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

Многосторонность вместо двусторонности: чего хотят государства региона?

Третий вопрос возникает из вышеизложенного: будут ли государства Центральной Азии приветствовать сотрудничество России и США в столь быстро меняющихся условиях? И Москва, и Вашингтон по-прежнему во многом думают категориями, унаследованными от времен холодной войны, и проецируют свои двусторонние отношения на решение вопросов, касающихся третьих сторон, зачастую без их участия. Однако, в настоящее время, за исключением вопросов, относящихся исключительно к их компетенции, таких как ядерный паритет, Россия и США не могут иметь дело только друг с другом и должны взаимодействовать в многосторонних рамках с заинтересованными странами.

Какое место будут занимать государства Центральной Азии в этом сотрудничестве? Их позиция двойственна. Руководители центральноазиатских стран призывают к расширению сотрудничества великих держав по вопросам, связанным с развитием, поскольку полагают, что не получают достаточной международной поддержки и инвестиций. Тем не менее на закрытых и неформальных дискуссиях представители власти, а также эксперты в области политики дают понять, что заинтересованы в своего рода мягкой конкуренции между Россией и Соединенными Штатами, чтобы получить от обеих стран не только больше, но и лучшее. Как указывал Александр Кули в своем капитальном труде «Большие игры, местные правила», власти Центральной Азии преуспевают в манипулировании внешними игроками для получения геополитических выгод (укрепление независимости и сопротивление внешнему давлению) и выгод финансового характера (помощь со всех сторон при незначительной координации действий между основными донорами)¹².

Вот почему любое предложение о российско-американском сотрудничестве в какой-то конкретной области должно быть сделано в трехстороннем формате с участием заинтересованного государства Центральной Азии и под его непосредственным контролем. В каких-то случаях, возможно, имеет смысл рассмотреть более сложные форматы, например, с участием других внешних игроков, таких как Европейский союз или Китай. Проблемой может оказаться существующий институциональный дефицит в регионе, однако разработать проект по конкретным вопросам безопасности или развития, на базе которого будет сформирована «коалиция желающих», вполне возможно.

¹² Cooley A., *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia* // Oxford: Oxford University Press, 2014.

Различия в восприятии угроз в Центральной Азии

Россия и США расходятся во взглядах на угрозы в Центральной Азии. Это напрямую влияет на то, как формируется их политика в отношении региона, а также на возможности их сотрудничества в регионе. Более того, региональных институтов, в рамках которых Россия, США и центральноазиатские страны могли бы в принципе обсудить свои представления об угрозах, очень мало. Деятельность главного из них — ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) — была в значительной степени «заморожена» геополитической напряженностью в отношениях между Россией и Западом, и Организация перестала выполнять свою миссию.

Соединенные Штаты Америки

Политика США в отношении Центральной Азии направлена на достижение нескольких целей. В международном плане она нацелена на снижение зависимости региона от России, недопущение превращения Ирана во влиятельного игрока, каким он является в Афганистане и на Ближнем Востоке, а также на укрепление роли партнеров США в регионе, особенно Индии. В плане внутренних преобразований в государствах Центральной Азии американская политика нацелена главным образом на переход этих стран к либеральной демократии или по крайней мере к лучшему управлению, а также к рыночной экономике и региональному сотрудничеству. Цели политики по внутренним преобразованиям сформулированы следующим образом: «Мы будем поддерживать создание вменяемых и прозрачных правительств, которые несут ответственность за просвещенное гражданское общество и прислушиваются к нему»¹³. По рыночной экономике — это «содействие развитию частного сектора на внутреннем рынке Центральной Азии» главным образом через C5 + 1 и Рамочное соглашение по инвестициям и торговле (TIFA) между США и странами Центральной Азии. И, наконец, по региональному сотрудничеству — «мы направим все силы на устранение дипломатических заторов, на оказание технической помощи в создании региональных энергетических рынков и на развитие торговли»¹⁴. Бюро Государственного департамента по вопросам демократии, прав человека и труда совместно с USAID продвигает также идеи свободы вероисповедания, реформирования здравоохранения и судебной системы, участия молодежи в управлении, укрепления независимых СМИ и расширения доступа к информации¹⁵.

¹³ FY 2007–2012 Department of State and USAID Strategic Plan // U.S. Department of State Bureau of Resource Management, Май 2007. URL: <https://www.state.gov/s/d/rm/rls/dosstrat/2007/html/82972.htm>

¹⁴ Там же.

¹⁵ South and Central Asia Programs: Kazakhstan // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/j/drl/p/121319.htm#kz>

В отличие от позиции, занимаемой Россией, Соединенные Штаты считают, что несменяемость политической власти и авторитарный характер местных режимов подрывают социальную стабильность и/или усиливают риск насильственного свержения режима. Вне всякого сомнения, подобные теоретические предположения основаны на политическом кредо США и их внешнеполитической традиции продвижения демократии. Многие научные исследования подтверждают, что демократические структуры противостоят политическим потрясениям лучше, чем авторитарные¹⁶. Вместе с тем авторитарные режимы в Центральной Азии уже продержались дольше, чем ожидало политическое сообщество США. Причем Кыргызстан является примером, одновременно и подтверждающим, и опровергающим указанный выше постулат. Это государство, будучи самым демократичным и неоднократно пережившим «транзит» власти, отличается крайней нестабильностью. Узбекистан же после смерти Ислама Каримова, напротив, смог продемонстрировать эндогенную и постепенную трансформацию, показав, что авторитаризм может реформироваться изнутри, по крайней мере, до определенной степени. Нам еще предстоит увидеть, как будут развиваться эти режимы, причем особенный интерес представляет Казахстан — последнее центральноазиатское государство, в котором еще не было перехода президентской власти. Однако уже сейчас ясно, что усилия США по продвижению демократии не только не позволили достичь ощутимых результатов, но и показали ошибочность многих представлений, которыми руководствовались Соединенные Штаты.

Противостояние между американским видением сопряжения Центральной и Южной Азии и китайской инициативой «Один пояс и один путь» не может не бросаться в глаза, даже будучи формально неозвученным.

Формирование политики США в Центральной Азии связано и с их обеспокоенностью угрозой исламского радикализма в регионе. Она привлекла внимание США в конце 1990-х гг., когда возникло Исламское движение Узбекистана. Эта угроза стала основой отношения США к региону после 2001 года, когда Центральную Азию стали увязывать с политикой по Афганистану. Эксперты подвергли широкой критике как шумиху вокруг риска насилия со стороны ислама — на самом деле весьма ограниченного в регионе, — так и афганцентричность политики США с упором на проблемы безопасности¹⁷. Начиная с сокращения в 2014 году американского контингента в Афганистане и рождения Исламского государства на территории

¹⁶ В труде Martin Lipset and Stein Rokkan, *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments* (New York: Free Press, 1967), 4, представлен один из давних постулатов теории демократической стабильности. Он подтверждается фактами, приведенными в недавней публикации Elena Slinko et al., "Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis," *Cross-Cultural Research* 51, no. 1 (2017), 26–50: U-образная кривая, показывающая наибольшую устойчивость полных демократий и абсолютных автократий, смещается в пользу полных демократий. Обзор проведенных исследований показывает, что демократии — в отличие от анократий — отличаются большей устойчивостью и адаптивностью. Особенно наглядно это видно на примере Европы.

¹⁷ См. подробнее Marlene L., *The US Silk Road: Geopolitical Imaginary or the Repackaging of Strategic Interests?* // *Eurasian Geography and Economics* 56. 2015. № 4. P. 360–375.

Сирии и Ирака, восприятие США опасности радикального исламизма несколько изменилось. Теперь угрозу стали видеть не столько в «побочных последствиях» от Афганистана, сколько в «радикализации» центральноазиатских общин мигрантов за рубежом и в появлении иностранных боевиков, в том числе их возможном возвращении на родину¹⁸.

В отношении растущего присутствия в регионе Китая Соединенные Штаты занимают неоднозначную позицию. В 2011 году Вашингтон выступил с инициативой «Шелковый путь» (еще до официального запуска Китаем в 2013 году своей инициативы по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути «Один пояс, один путь», ныне именуемой инициативой «Пояс и путь»), направленной на развитие транспортно-коммуникационной инфраструктуры. Инициатива C5 + 1 по развитию транспортных коридоров, например, призвана «повысить конкурентоспособность стран Центральной Азии за счет совершенствования их транспортных и логистических секторов»¹⁹. Противостояние между американским видением сопряжения Центральной и Южной Азии и китайской инициативой «Пояс и путь» не может не бросаться в глаза, даже будучи формально неозвученным. Соединенные Штаты пытались — и не смогли — остановить запуск Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и воспрепятствовать участию в нем европейских союзников, что, судя по всему, явилось самым ярким проявлением конфликта из-за китайской инициативы. Администрации Обамы и Трампа выразили сомнения по поводу мотивации Китая. Годовой отчет Американско-китайской комиссии по обзору вопросов экономики и безопасности за 2015 год, поддержав саму идею китайских инвестиций, подверг Пекин критике за отсутствие прозрачности, неуклюжесть подхода, неадекватность управления и неуважение прав человека. А в Стратегии национальной безопасности 2017 года отмечается, что «инвестиции в инфраструктуру и торговые стратегии Китая направлены на укрепление его геополитических устремлений»²⁰.

И все же обеспокоенность США риском китайской гегемонии в Центральной Азии остается в значительной степени невыраженной. Причин тому несколько. Во-первых, экспертное сообщество США разделено по сферам исследований. Американские эксперты по Китаю уделяют основное внимание напряженной ситуации в северной части Тихого океана, а континентальная политика Пекина остается на периферии их внимания. Эксперты по Центральной Азии склонны подчеркивать роль России в регионе и угрозу исламизма, а влияние Китая ими практически не рассматривается. Во-вторых, политическое сообщество США зачастую недальновидно и занимается решением текущих проблем, а на рассмотрение долгосрочных перспектив выделяется недостаточно людских и финансовых ресурсов, и этим во-

¹⁸ См., например, Lynch T. F., и др. The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy // INSS Strategic Perspectives 21. 2016.

¹⁹ C5+1 Fact Sheet // U.S. Department of State. September 22, 2017.
URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274386.htm>

²⁰ Wuthnow J. From Friend to Foe-ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The ASAN Forum. May 21, 2018.
URL: <http://www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative/#1>

просам уделяется мало времени. В-третьих, официальные новостные ленты Америки имеют тенденцию вторить международным финансовым институтам и подчеркивать необходимость обеспечения связности региональной инфраструктуры, что содействует позитивному восприятию китайской инициативы «Пояс и путь». Однако осознание того факта, что простое улучшение связности коммуникаций в регионе не приведет автоматически к его развитию, вряд ли требует особых пояснений. Без усиления борьбы с коррупцией, отказа от логики государства-рантье (т.е. получения значительной части национальных доходов от ренты ресурсов), развития в регионе человеческого капитала одно лишь совершенствование транспортной инфраструктуры не способно изменить существующую реальность.

Россия

В Концепции внешней политики России, утвержденной в 2013 году, перечислен ряд угроз и вызовов, которые воспринимаются как общие для Москвы и ее центральноазиатских партнеров. Список включает международный терроризм, политический экстремизм, незаконный оборот наркотиков, трансграничную преступность и нелегальную миграцию²¹. Концепция также связывает многие из этих угроз и вызовов с нестабильностью в соседнем Афганистане. Стратегия национальной безопасности 2020 года добавляет к этому списку ряд других угроз, в том числе радикальный национализм, ксенофобию, сепаратизм и религиозный фундаментализм²². В недавних заявлениях российские официальные лица делали акцент на потенциально разрушительные последствия продолжающихся кризисов на Ближнем Востоке, а также непредсказуемости политических шагов США.

В целом озабоченность России в отношении Центральной Азии сводится главным образом к трем негативным сценариям, каждый из которых разрушит статус-кво и обернется для Кремля многочисленными осложнениями.²³

1. Неуправляемая смена режима, порождающая нестабильность, особенно в Казахстане. Все, похожее на «Арабскую весну», в одной или нескольких странах Центральной Азии будет рассматриваться Россией как прямая угроза ее безопасности. Подобное развитие событий может поставить под угрозу русские и русскоязычные диаспоры, целостность возглавляемых Москвой многосторонних региональных институтов, разжечь огонь регионального национализма и даже спровоцировать межгосударственные военные конфликты из-за неразрешенных территориальных споров.

²¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 года) // Гарант.ру. 20 февраля 2013 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review>

²² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

²³ Попов Дм. Политика США в Центральной Азии и российские стратегические интересы // РИСИ. URL: <https://riss.ru/analitics/30426/>

2. Распространение исламского радикализма и терроризма. Источником может стать Афганистан, если нынешнее руководство в Кабуле падет, или внутренние тенденции в самом регионе Центральной Азии, усилению которых способствует рост социальных и экономических проблем, неравенство в развитии, массовая коррупция и злоупотребление властью со стороны местных лидеров. Российские эксперты и политики также учитывают растущее демографическое давление (особенно в Узбекистане), экологические проблемы и то, что Москва — обоснованно или нет — расценивает как дефицит продуманных долгосрочных стратегий развития со стороны местных лидеров.
3. Общее снижение влияния России на фоне усиления в регионе позиций Китая в сфере экономики, безопасности, культуры, языка и пр. Новые поколения жителей Центральной Азии, за исключением трудовых мигрантов, не чувствуют таких же прочных связей с Россией, как старшие поколения. Среди новых поколений уже появились те, кто считает образцом для подражания модель развития Китая, а не России. Справедливости ради следует отметить и рост страха элит перед возможностью «захвата» региона Китаем, что побуждает их укреплять связи с Москвой, однако не факт, что эти опасения будут разделяться новыми поколениями местных лидеров.

У Москвы есть основания для беспокойства по поводу статуса русскоязычных меньшинств в регионе и использования русского языка. Ситуация в разных странах неодинакова, но общая тенденция такова, что российское «культурное пространство» постепенно сужается. Продолжается исход русскоязычных групп (не только этнических русских, но и ориентированных на Россию представителей местной интеллигенции и бизнеса), а также поступление жалоб на явную и скрытую дискриминацию этнических русских.

Другим крайне тревожным вызовом для Москвы является постоянный транзит наркотиков из Афганистана в Россию через Центральную Азию. Россия остается крупнейшим рынком афганского героина и основным транзитным маршрутом в Европу. До настоящего времени борьба с незаконным оборотом наркотиков из Афганистана не отличалась особым успехом: употребление тяжелых наркотиков в России продолжает расти угрожающими темпами. Так, в последние несколько лет в России насчитывалось от 7,3 до 8,5 миллионов потребителей инъекционных наркотиков — больше, чем где-либо еще в мире²⁴. Многие российские эксперты обвиняют Соединенные Штаты в том, что они закрывают глаза на производство героина в Афганистане; подобное «благодущие» рассматривается как часть цены, которую Вашингтону приходится платить за поддержание мира с Кабулом со стороны местных полевых командиров.

²⁴ International Narcotics Control Strategy Report. Volume 1: Drug and Chemical Control // United States Department of State, Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs. Washington, DC: INCSR. 2018. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/278759.pdf>

В последнее время особое беспокойство Москвы вызывают центральноазиатские джихадисты, участвующие в сирийском и других вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке. По разным оценкам, только в Сирии воюют от двух до трех тысяч уроженцев Центральной Азии²⁵. Стоит отметить, что некоторые из них были завербованы не в своих родных странах, а в России, где они находились в качестве гастарбайтеров. Независимо от того, вернутся ли эти боевики после разгрома ИГИЛ к себе на родину, попытаются ли проникнуть на территорию Российской Федерации или в Европу, они представляют серьезную угрозу безопасности России, в частности на Северном Кавказе.

Соединенные Штаты видят выход из сложившейся ситуации в развитии гражданского общества, в то время как Россия считает его потенциальной угрозой.

Москва считает последние перемены в политике США по Ирану дополнительным фактором нестабильности, который может оказать пагубное воздействие на весь регион. До сих пор Тегеран проводил в Центральной Азии консервативную и ответственную политику, не поддаваясь искушению усилить свое религиозное и политическое влияние. Однако изменение баланса внутривнутриполитических сил в Иране, вызванное ужесточением давления США, может оказать негативное воздействие на внешнюю политику Ирана в целом и его позицию в отношении Центральной Азии в частности. Потенциальная политическая и социальная нестабильность в Иране может создать дополнительные проблемы в сфере безопасности для России и ее центральноазиатских соседей.

За исключением риска исламского радикализма — с существенными оговорками — у России и США нет совпадений в восприятии угроз, исходящих из Центральной Азии, что затрудняет согласование каких бы то ни было стратегических подходов. Обе страны обеспокоены «чрезмерным присутствием» Китая в регионе, однако ни одна из них не готова бросить прямой вызов Пекину. Обе страны обеспокоены риском насильственного свержения режима и последующей нестабильности, однако выдвигают диаметрально противоположные решения: Соединенные Штаты видят выход в развитии гражданского общества, в то время как Россия считает его потенциальной угрозой. Даже в отношении исламского радикализма представления двух стран о том, что является плодородной почвой для радикализма, весьма различны, и их взгляды на то, как бороться с насильственным экстремизмом, диаметрально противоположны. Стоит отметить, что опасения двух стран перед «побочными последствиями» Афганистана так и не материализовались.

²⁵ Syria Calling: Radicalization in Central Asia [«Сирия зовет: радикализация в Центральной Азии»] // International Crisis Group. Europe and Central Asia Briefing 72 (2015): 1.

URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia>;

The Soufan Group, Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq // New York: The Soufan Group. 2015.

URL: http://www.soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate_FINAL.pdf

Среди многих тенденций исламского радикализма, выявленных и задокументированных учеными, две непосредственно касаются России. Это «перемещение» северокавказского радикализма в Центральную Азию, и особенно в Казахстан, а также риск радикализма в сообществе мигрантов из Центральной Азии. Режимам стран региона, озабоченным собственной стабильностью и безопасностью, российское восприятие угрозы ближе, чем американское, что, конечно, помогает Москве укреплять каналы связи со столицами центральноазиатских государств.

Разногласия

Москва и Вашингтон противостоят друг другу по ряду вопросов, связанных с Центральной Азией. Некоторые из разногласий носят символический характер и не оказывают непосредственного воздействия на практические действия. Другие же, напротив, оказывают влияние на формирование политики.

Угроза суверенитету против сферы ответственности

С точки зрения США, главная цель заключается в обеспечении суверенитета государств Центральной Азии. Американское восприятие постсоветского пространства основано на убежденности в необходимости защиты малых и новых государств от имперского, колониального и агрессивного российского гегемона. Этот упор на отстаивание суверенитета стран Центральной Азии был ключевым в американской политике в начале 1990-х гг., после чего он отошел на задний план, уступив место вопросам экономического развития и региональной интеграции. Однако в 2014 году он вновь вышел на передний план из-за украинского кризиса, присоединения Крыма Россией и ее поддержки движения сопротивления на Донбассе. Действия Москвы вновь вернули актуальность символическому полю битвы за суверенитет постсоветских государств. Инициатива C5 + 1 во многих отношениях является единственной платформой общения пяти государств Центральной Азии с Соединенными Штатами. Она олицетворяет поддержку США независимости региона от Москвы и надежду Вашингтона на расширение внутрорегионального сотрудничества, позволяющего дистанцироваться от России. Начиная с переломного 2014 года, круги, определяющие политику в США, военные и аналитические центры указывают, в частности, на риск «крымского сценария» для северного Казахстана. К этому следует добавить и новый аспект, вызывающий озабоченность США, а именно: влияние российских СМИ на регион. Соединенные Штаты предприняли «контрмеры» и профинансировали создание нескольких медийных продуктов, но из них упоминается заслуживает только онлайн-канал «Настоящее время» радиовещательной организации Радио Свободная Европа/Радио Свобода.

Российская сторона регулярно отрицает обвинения в любых неоимперских амбициях в регионе, но подчеркивает свою «особую ответственность» за поддержание в нем стабильности и безопасности. Кремль часто указывает на противодействие Соединенных Штатов установлению тесных связей между Россией и государствами Центральной Азии, усматривая в нем проявление крайне безответственного и контрпродуктивного подхода к региону. Согласно российскому видению, вбивая клин между Москвой и центральноазиатскими странами и не имея намерения вкладывать значительные

средства в обеспечение безопасности и развитие региона, Вашингтон вольно или невольно создает в нем условия для нестабильности и хаоса. А это рано или поздно ударит рикошетом по важным интересам США не только в Центральной Азии, но и за ее пределами. В Москве принято приводить в пример поддержку Соединенными Штатами в 1980-х гг. афганских моджахедов, что в конечном итоге обернулось рождением Талибана и Аль-Каиды, которые стали огромной проблемой в обеспечении интересов безопасности США.

Возможные и устойчивые переходы к демократии?

С восприятием Соединенными Штатами России как угрозы для суверенитета стран Центральной Азии связан ряд проблемных вопросов. Россия обвиняется в поддержке авторитаризма местных режимов и побуждении их к копированию российского законодательства. Москву также осуждают за поддержку сопротивления государств региона давлению со стороны Запада, вызванному их неуважением к правам человека и неэффективным управлением. В Соединенных Штатах по-прежнему распространено мнение, что переход к демократии является для региона вполне реалистичным вариантом. При этом наивный оптимизм начала 1990-х гг. и нарративы об очевидном и неизбежном переходе от авторитаризма к парламентской демократии западного типа уступили место дипломатичным заявлениям о времени, необходимом для «перехода» из одной системы в другую. Разнообразии действующих лиц, формирующих политику США, способствует определенной дисгармонии в продвижении демократии — ее лоббируют в Конгрессе, Белом доме и Государственном департаменте, в то время как Министерство обороны занимает достаточно сдержанную позицию.

Что касается России, то Кремль верит в «ответственный авторитаризм» и поддерживает политический статус-кво, хотя его устойчивость не столь очевидна. Эффективность модели «авторитарной модернизации» ставится под сомнение многими российскими экспертами и, за исключением Казахстана, не дала ощутимых результатов в Центральной Азии. Тем не менее эта модель де-факто остается краеугольным камнем экономических, социальных и политических стратегий России как для себя, так и для Центральной Азии. Неутешительные результаты «Арабской весны» в большинстве стран Ближнего Востока, которые встали на путь политического перехода от авторитаризма к демократии в 2011–2012 гг., еще больше укрепили Россию в правильности предпочтения авторитарного «порядка» либеральному «хаосу». Многие, если не все, правящие лидеры Центральной Азии разделяют такой подход. Повсеместное восхищение успешными авторитарными проектами модернизации в Восточной и Юго-Восточной Азии усиливает скептицизм в отношении любых либеральных реформ западного образца, особенно тех, что затрагивают политическую сферу.

От Ирана до энергоносителей: другие потенциальные спорные вопросы

Существует и немало других вопросов, по которым имеются разногласия, однако они не столь актуальны по сравнению с рассмотренными выше.

Проблема энергетической конкуренции, занимавшая в начале 2000-х гг. первые строчки повестки дня как России, так и Соединенных Штатов, в настоящее время отошла на задний план. Соединенные Штаты больше не нуждаются в каспийской нефти и газе, поскольку сами становятся экспортером и ограничиваются геополитической поддержкой энергетических проектов, идущих в обход России, в частности нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) и Транскаспийского транзитного узла на каспийском побережье Казахстана. Россия также потеряла былой интерес к энергоносителям Центральной Азии, поскольку ей удалось освоить новые месторождения в Арктике и приарктических регионах, а также в Охотском море. Вместе с тем Кремль стремится сохранить контроль над транзитом казахстанской нефти на европейские рынки и, соответственно, доходами от него. По вопросам энергетики в Центральной Азии Россия и США сталкиваются только при определении способа транзита казахстанской нефти — по российским трубопроводам или через Каспий, минуя Россию.

По Ирану у России и США имеется много разногласий. Основное различие между Вашингтоном и Москвой в отношении Ирана заключается в том, что первый может позволить себе роскошь смотреть на Тегеран главным образом через призму Израиля и нераспространения ядерного оружия, в то время как у Кремля повестка дня с иранцами несравненно шире. Для России Тегеран критически важен в таких чувствительных вопросах, как Афганистан, Каспийское море, Южный Кавказ и, конечно же, Центральная Азия. Если многие в Соединенных Штатах считают Иран деструктивным фактором в Сирии, Ираке, Ливане, Персидском заливе и пр., то с российской точки зрения, Иран во многих случаях выступал в качестве рационального, ответственного, хотя и непростого партнера. Так, Москва высоко оценила взвешенную и сдержанную позицию Ирана во времена гражданской войны в Таджикистане в начале 1990-х гг. Иран также является незаменимым партнером во многих важных для Москвы евразийских проектах транспортного коридора Север-Юг.

Борьба с терроризмом как возможность сотрудничества?

На тусклом фоне довольно безрадостных перспектив для сотрудничества ярким пятном выделяется борьба с терроризмом. Она находилась в центре внимания обеих стран на протяжении двух десятилетий. Москва всегда являлась активным сторонником сотрудничества в борьбе с терроризмом, в то время как позицию Соединенных Штатов отличала нерешительность и отсутствие единства по этому вопросу. Вместе с тем политические круги обеих стран склонны рассматривать борьбу с терроризмом как сферу консенсуса, который может быть поддержан всеми международными участниками Центральной Азии.

Политическое сообщество США весьма разобщено в вопросе о том, может ли борьба с терроризмом стать основой российско-американского сотрудничества в регионе. По этому вопросу дипломатией полуторного и второго трека был выдвинут ряд инициатив. Так, «Институт Восток-Запад» создал Объединенную российско-американскую рабочую группу по борьбе с террористической угрозой из Афганистана, которая заявила, что «политические разногласия между Россией и США по поводу Украины не должны препятствовать их сотрудничеству в поиске стратегических решений проблемы афганского производства и оборота наркотиков»²⁶. Другие же, напротив, критикуют подобный подход. Павел Баев из Института исследований проблем мира Осло (PRIO) считает, что «перспективы сотрудничества [между двумя странами] в борьбе с терроризмом весьма призрачны и искусственно преувеличены»²⁷. Не вызывает сомнений одно: если борьба с терроризмом в Афганистане уже имеет устоявшуюся модель российско-американского сотрудничества, то в Центральной Азии в этой сфере до сих пор не было сделано ничего последовательного. В то время как Россия на протяжении долгого времени всячески поддерживала сотрудничество с Соединенными Штатами по Афганистану, она всегда прохладно относилась к разработке совместных с США проектов по Центральной Азии, считая вмешательство Вашингтона в сферу ее влияния/ответственности незаконным.

Здесь необходимо рассмотреть несколько аспектов. Первый, более широкого плана, заключается в том, что борьба с терроризмом предполагает выявление корней и путей насилия, а не «занесения» террористов в категорию ненормальных людей. Среди разработчиков политики России и США об этом мало кто задумывается. Преобладает традиционный, секьюритизированный подход, заключающийся в выявлении радикальных групп и их нейтрализации до того, как они успеют совершить насилие. Как показывает практика Афганистана — успехи в этом весьма скромные, а неудач хватает. Мало того, сегодняшние трансформации терроризма на фоне расширения во всем мире благоприятной для его развития среды, мутации форм насилия и разнообразия форм индивидуального участия делают традиционные российский и американский подходы еще менее адекватными и эффективными.

Даже если оставить в стороне это общее соображение относительно традиционного подхода «противодействия» терроризму, то есть еще один аспект, который следует принять во внимание. По счастью, то, что случилось в Афганистане, не повторилось в Центральной Азии. В отличие от своего южного соседа, центральноазиатские страны сталкиваются не с хорошо организованным мятежом, последствия которого сказываются на государственном строительстве, а, скорее, со спорадическими и незначительными по масштабу террористическими актами. Они в основном происходят в Тад-

²⁶ "Afghan Narcotraficking: Bringing U.S.-Russia Cooperation Back on Track", East-West Institute, July 9, 2014, <https://www.eastwest.ngo/idea/afghan-narcotraficking-bringing-us-russia-cooperation-back-track>

²⁷ Баев П., "Why Russia Is Failing the 'Syria Test' for Counterterrorism Cooperation with the West" PONARS Eurasia Policy Memo 528, May 2018, URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/why-russia-failing-syria-test-counterterrorism-cooperation-west>.

жикистане и Казахстане, то есть в двух совершенно разных социально-экономических и культурных контекстах²⁸.

Российский опыт борьбы с терроризмом в Центральной Азии, как в двустороннем, так и в многостороннем (ОДКБ и ШОС) формате, показал неоднозначные результаты. Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС) составляет список экстремистских лиц и организаций каждой страны-члена, что создает условия для сотрудничества остальных стран в задержании и экстрадиции подозреваемых. Непрозрачность и неподотчетность РАТС подвергаются критике во всех западных странах. Тем не менее следует отдать должное различным форматам — главным образом двусторонним, нежели многосторонним — антитеррористического сотрудничества в регионе, позволившим, судя по всему, свести к минимуму успешное осуществление масштабных террористических актов в Центральной Азии.

Соединенные Штаты не имеют опыта борьбы с терроризмом в регионе: они в основном участвовали в проектах общего плана в Таджикистане и Кыргызстане, таких как охрана границ и обучение сотрудников полиции и пограничников. Подобно многим другим аналогичным начинаниям, Центральноазиатская контрнаркотическая инициатива (САСИ) не оправдала возложенных на нее ожиданий. Ее целью являлась подготовка целевых структур для борьбы с незаконным оборотом наркотиков и терроризмом по всему региону, для чего были созданы учебные центры в Баткене и близ Душанбе. Недавно запущенный С5 + 1 контртеррористический проект, возглавляемый Институтом мира США, призван ознакомить политиков и экспертов с передовым опытом противодействия насильственному экстремизму и радикализации, а также с региональными подходами к решению этих задач и контрпропагандой. Правда, пока неясно, что из этого получится.

Могут ли Россия и США — в партнерстве с центральноазиатскими странами — объединить усилия в борьбе с терроризмом? За отдельными исключениями, в частности предотвращения терактов в Санкт-Петербурге в мае 2017 года, возможности для сотрудничества между двумя странами представляются ограниченными. В силу разного понимания значения термина «экстремизм» (российская трактовка шире и относит к экстремистам тех, кого Соединенные Штаты таковыми не считают), развитие совместной деятельности потребует множества согласований и компромиссов. То, что ШОС и ОДКБ считают терроризмом, Соединенные Штаты могут считать законной борьбой угнетенных этнических меньшинств за свои права, как, например, в случае с уйгурами. Более того, ряд центральноазиатских лидеров использовали «предполагаемую террористическую угрозу» в качестве предлога для преследования политических противников, диссидентов и правозащитников, что ограничивает возможности американского сотрудничества с ними.

²⁸ Omelicheva M. Y. Markowitz L., Does Drug Trafficking Impact Terrorism? Afghan Opioids and Terrorist Violence in Central Asia // *Studies in Conflict and Terrorism*. February 20, 2018.
URL: doi.org/10.1080/1057610X.2018.1434039

Третий важный аспект, осложняющий сотрудничество России и США по борьбе с терроризмом, связан с вопросами разведки. Подлинное сотрудничество в борьбе с терроризмом подразумевает обмен секретной разведывательной информацией, включая способы получения службами безопасности доступа к информации, а также проникновения в преступные сети и их разрушения. Это требует определенной степени взаимного доверия, которая обычно возможна только среди близких союзников и, безусловно, отсутствует сегодня между российскими и американскими спецслужбами. Поэтому либо эта область должна быть выведена за рамки господствующей атмосферы общего недоверия, что на данный момент представляется невероятным, либо сотрудничество в борьбе с терроризмом будет сводиться к экспертным обсуждениям и обмену опытом. В нынешних условиях последнее выглядит более реалистичным, хотя возможны и исключения, как вышеупомянутый майский случай 2017 года.

Потенциальные ниши для сотрудничества

Однако общим у России и США является не только высокий уровень недоверия и чувство соперничества по отношению друг к другу. Есть ряд областей невоенного характера, взаимодействие в которых позволяет странам извлекать взаимную пользу. Именно эти области могут дать импульс появлению новых ниш сотрудничества даже при самых неблагоприятных внешних условиях.

Освоение космоса и смежные отрасли

Существует несколько секторов, где сотрудничество России и США не пострадало от ухудшения отношений. Главным среди них является освоение космоса, и совместные проекты по МКС продолжают полным ходом. Учитывая, что Россия планирует к 2040 году покинуть Байконур и перейти на использование двух собственных космодромов (в Плесецке и Комсомольске-на-Амуре), Казахстан теперь стремится стать полноправным участником космических программ и использовать нахождение Байконура на своей территории для развития сотрудничества с другими участниками освоения космоса. Запуская программу по созданию космического ракетного комплекса «Байтерек», ориентированного на осуществление коммерческих запусков (спутников связи), Казахстан позиционирует себя как отличную площадку для реализации новых, уже трехсторонних космических проектов России, США и Казахстана. Астана также рассчитывает, что «Байтерек» позволит совершить прорыв в развитии информационных и новых промышленных технологий, а также прикладных наук, в чем страна так отчаянно нуждается. Сочетание российских и американских технологий в научно-технической сфере может быть использовано для развития сотрудничества в «мягких» секторах, где нет технологий двойного назначения, что принципиально важно во времена возобновленного военного соперничества. Первым шагом в этом направлении вполне могла бы стать совместная подготовка нового поколения казахстанских инженеров.

Гражданская безопасность

Все страны Центральной Азии подвержены в той или иной степени стихийным бедствиям, особенно землетрясениям, оползням и наводнениям. Кыргызстан и Таджикистан — самые гористые страны — подвержены риску схода лавин и оползней. В то время как в России Министерство по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС) было коренным образом модернизировано, его аналоги в Центральной Азии плохо подготовлены и в теоретическом, и кадровом, и техническом плане, и власти уделяют этой области мало внимания. В этом контексте Россия и США могут поделиться своими знаниями

и опытом для использования в Центрально-Азиатском регионе. Обе страны давно сотрудничают в сфере гражданской безопасности, и взаимодействие между МЧС России и соответствующими структурами США оказалось продуктивным, например, при ратификации Соглашения Арктического совета 2011 года о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасательных операциях в Арктике. Решение экологических проблем требует как активизации научных обменов, например, по вопросам изменения климата, так и согласования логистических навыков и умений для нейтрализации последствий стихийных бедствий. Таким образом, это могло бы укрепить сотрудничество России и США в специфической сфере безопасности в центрально-азиатском регионе, не связанной с военной составляющей.

Механизмы создания рабочих мест и развития человеческого капитала в сельской местности

Создание рабочих мест в сельских районах и предотвращение дальнейшего ухудшения качества человеческого капитала остается главным условием долгосрочной экономической устойчивости центрально-азиатского региона. Последней препятствуют масштабная утрата технических знаний, накопленных в советский период, слабое изучение естественных и прикладных наук и отставание от развитых стран в инженерном потенциале. Все это не позволяет обеспечить независимость региона в плане экономического развития. Лишь Узбекистану удалось создать разветвленную сеть профессионально-технических училищ и сформировать новое поколение технических специалистов.

Из зарубежных инициатив, играющих важную роль в обучении новых поколений в сельской местности, помимо учебных заведений для элит, можно говорить только о турецких лицеях, но и их работа осложняется рядом идеологических постулатов. Более того, массовая трудовая миграция, в основном в Россию, подрывает будущее развития сельских районов, когда молодежь трудоспособного возраста уезжает и/или возвращается из миграции и не вкладывает средства в развитие своей малой родины. Одной из причин является отсутствие возможностей для преобразования многих навыков, полученных в ходе работы за рубежом, в востребованный на родине человеческий капитал.

Для решения этих двух вопросов России и США есть что предложить. И российская, и американская модели образования считаются в странах Центральной Азии лучше их собственных и потому высоко ценятся. В последнее десятилетие сельское хозяйство России сумело реформироваться и достигло впечатляющих успехов, а ее профессиональные училища в целом намного эффективнее центральноазиатских аналогов. У Соединенных Штатов имеется богатый опыт обучения прикладным наукам и технологиям, а также профессиональной подготовки для взрослых. Вместе они могли бы запустить в одной из стран Центральной Азии пилотное российско-

американское профессионально-техническое учебное заведение, ориентированное на удовлетворение профессиональных потребностей сельского населения, например, в сфере сельскохозяйственного производства и водопользования.

Обе страны могли бы также поделиться своим опытом в области миграции. Россия является основной принимающей страной для рабочей силы из Центральной Азии, а у Соединенных Штатов имеется многолетний опыт переселения трудовых мигрантов на родину, где те с помощью навыков, полученных во время пребывания в США, создают успешные малые предприятия. Для мигрантов из Центральной Азии наибольшим потенциалом для вертикальной мобильности обладают две области, а именно — строительный сектор (навыки, приобретенные во время трудовой миграции, могут оказаться востребованными китайскими, турецкими и российскими фирмами, работающими в их странах) и розничная торговля. В секторе торговли поддержка США могла бы заключаться в проведении коротких профессиональных тренингов с тем, чтобы помочь вернувшимся мигрантам начать дома свой бизнес. Негативный фон, созданный нынешней администрацией Белого дома вокруг миграции, не является препятствием для институтов американского гражданского общества в проявлении активности в этом секторе.

Обмен знаниями

В настоящее время не существует конкретной площадки, которая позволила бы российским и американским ученым и экспертам по Центральной Азии встречаться, обсуждать свои оценки Центрально-Азиатского региона и взаимодействовать со своими коллегами из Центральной Азии на трехсторонней основе. Незнание оценок экспертов другой страны, а также того, в чем они совпадают с их собственными или противоречат им, осложняет обсуждение российскими и американскими специалистами действенных вариантов политики на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Создание трехсторонней экспертной группы по Центральной Азии с участием специалистов из России, США и центральноазиатских стран могло бы восполнить этот пробел. Среди первоочередных тем, подлежащих обсуждению, могут быть миграционная и интеграционная политика стран региона, обмен «передовым опытом», а также дискуссия о предотвращении политической радикализации. И у России, и у США накоплен богатый опыт использования местных сообществ для решения проблем интеграции, но практики систематического обмена им пока не сложилось.

Присоединение к евразийским инфраструктурным проектам?

Поскольку количество проектов, в которых трехсторонний формат с участием России, США и стран Центральной Азии имеет смысл, крайне ограничено, Россия и Соединенные Штаты могли бы обсудить возможность

присоединения США к евразийским инфраструктурным проектам. Понятно, что Россия не заинтересована в приглашении Соединенных Штатов участвовать в работе ШОС, ЕАЭС или Евразийского банка развития или даже получении ими статуса наблюдателя. Таким образом, потенциальным вариантом остается только китайская инициатива «Пояс и путь». Однако еще неизвестно, поддержит ли Пекин такое предложение, и рассмотрят ли его Соединенные Штаты, особенно в свете нынешнего обострения напряженности из-за разногласий по вопросам двусторонней торговли.

Страны Центрально-Азиатского региона приветствуют двусторонние отношения и крупные многосторонние форматы, которые допускают гибкость и отсутствие юридически связывающих обязательств.

Многостороннее сотрудничество с ЕС, Китаем или Индией?

Страны Центрально-Азиатского региона приветствуют двусторонние отношения и крупные многосторонние форматы, которые допускают гибкость и отсутствие юридически связывающих обязательств. Имеются ли в регионе возможности для нового многостороннего сотрудничества с участием России, Соединенных Штатов и других партнеров? Наиболее подходящими на роль последних являются ЕС, Индия и Китай— они поддерживают многосторонние структуры и могут вести диалог как с Москвой, так и с Вашингтоном. Это стало бы первым опытом «социализации» российских и американских политиков по вопросам Центральной Азии в формате многостороннего сотрудничества вне рамок ООН и ОБСЕ.

Заключение

Очевидно, что в качестве первого шага на пути к конструктивному взаимодействию обе державы должны перестать воспринимать друг друга в качестве противников в Центральной Азии. Противодействие друг другу в регионе — игра с нулевой суммой и для Москвы, и для Вашингтона, и для самой Центральной Азии. Учитывая плачевное состояние нынешних отношений между Россией и США, представляется политически целесообразным использовать имеющиеся в Центральной Азии возможности российско-американского сотрудничества. Такой подход поможет защитить это сотрудничество от превращения его в разменную монету в продолжающемся противостоянии санкций и контрсанкций. Как бы это ни было сложно, следует приложить все усилия к тому, чтобы взаимодействие между Москвой и Вашингтоном в регионе не стало заложником их разногласий по Ирану и Сирии.

Противодействие друг другу в регионе — игра с нулевой суммой и для Москвы, и для Вашингтона, и для самой Центральной Азии.

На данном этапе никакая «Большая сделка» между Россией и США в регионе не представляется возможной или даже желательной. Не имеет смысла обсуждать какой-либо общий «кодекс поведения» двух держав в Центральной Азии или искать консенсус по таким общим вопросам, как определение «демократии», «стабильности» и проч. В ближайшее время не приходится рассчитывать на «прорыв сверху», поэтому упор должен делаться на развитие инициатив снизу. Небольшие символические совместные проекты, нацеленные на укрепление безопасности и развитие региона, уже стали бы крупным достижением, демонстрируя, что взаимодействие России и США в регионе не обречено на превращение в игру с нулевой суммой.

Вот почему представляется целесообразным сделать акцент на взаимодействии в областях потенциального сотрудничества, не вызывающих особых разногласий, таких как окружающая среда, здравоохранение, развитие человеческого капитала и тому подобное. Чем больше такое сотрудничество будет носить не связанный с политикой технический характер, тем больше от него выиграют как обе страны, так и регион в целом. После того, как способность стран работать вместе пройдет подобную проверку, можно будет приступить к работе в более чувствительных и политизированных направлениях, таких как образование, социальная модернизация и развитие городской среды.

И России, и США надлежит уделять больше внимания проектам многостороннего сотрудничества. Во многих случаях было бы проще и эффективнее добиться позитивных результатов, выйдя за рамки чисто двустороннего сотрудничества и взаимодействуя с третьими сторонами (Европейским

союзом, Китаем, международными и региональными институтами развития). Такие многосторонние форматы могут представлять сложность при создании и функционировании, однако, как показывает опыт, подобные инициативы укрепляют стабильность сотрудничества (положительным примером является Арктический совет).

В нынешних сложных условиях, когда многие официальные линии связи заморожены или оставляют желать лучшего, особенно важно в полной мере использовать механизмы дипломатии второго трека, прежде всего взаимодействие на уровне экспертов. В последние годы многие российские аналитические центры предпочитали не привлекать американских коллег к проектам, связанным с Центральной Азией, а американская сторона, со своей стороны, не хотела посмотреть на регион «глазами России». Похоже, что обеим сторонам настало время признать, что сравнительный анализ российских и американских оценок ситуации в регионе может быть плодотворным и взаимовыгодным.

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений объединяет перспективных экспертов из ведущих российских и американских аналитических центров для поиска решений наиболее острых проблем двусторонних отношений. Предоставляя возможность ученым нового поколения обмениваться мнениями в открытой дискуссии, мы стремимся к проведению инновационного анализа и выработке политических рекомендаций, базирующихся на общности позиций России и Соединенных Штатов, которая столь часто упускается из виду из-за взаимного недоверия. Мы считаем, что избранный нами подход, основанный на двустороннем диалоге, представляет уникальную возможность для совершения прорывов в установлении взаимопонимания между нашими странами и их примирении.

С российской стороны организаторами заседаний Рабочей группы по будущему российско-американских отношений являются Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики и Международный дискуссионный клуб «Валдай». С американской стороны организатором заседаний Рабочей группы выступает Центр российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете, а финансовую поддержку оказывает Корпорация Карнеги в Нью-Йорке.

Российские участники

Андрей Баклицкий — консультант ПИР-Центра, научный сотрудник Центра глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД России

Олег Барабанов — программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор МГИМО

Тимофей Бордачев — директор Центра комплексных европейских и международных исследований факультета Мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор по исследовательским программам Совета по внешней и оборонной политике

Елена Черненко — заместитель руководителя отдела внешней политики Издательского дома «Коммерсантъ»

Сергей Караганов — декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почетный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике

Василий Кашин — старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Екатерина Колдунова — заместитель декана факультета политологии и доцент кафедры востоковедения МГИМО

Валерий Коньшев — профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Василий Кузнецов — доцент факультета мировой политики Московского государственного университета

Анастасия Лихачева — заместитель декана по науке факультета мировой экономики и мировой политики, директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Федор Лукьянов — председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Игорь Макаров — доцент кафедры мировой экономики и старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики»

Борис Межуев — доцент Московского государственного университета, со-редактор интернет-портала Terra America

Андрей Сушенцов — доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО

Дмитрий Суслов — программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Михаил Троицкий — доцент и директор Института международных отношений и государственного управления МГИМО

Сергей Веселовский — доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО

Американские участники

Равви Абдилал — профессор делового администрирования Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета

Сэмюэл Чарап — старший политолог Корпорации Rand

Тимоти Колтон — профессор политологии и русистики и руководитель департамента государственного управления Гарвардского университета

Александр Кули — директор Института Гарримана, профессор политологии в Барнард-колледже Колумбийского университета

Кит Дарден — доцент Школы международной службы Американского университета

Генри Хейл — профессор политологии и международных отношений Университета Джорджа Вашингтона

Йошико Эррера — профессор политологии, содиректор Международного института Университета Мэдисон-Висконсин, руководитель факультета Центра научных исследований Евразии при «Назарбаев Университете»

Сара Хаммель — доцент кафедры политологии Университета Иллинойса в Урбане-Шампейне

Полин Джонс Луонг — профессор политологии и директор Международного института Мичиганского университета

Джеффри Манкофф — заместитель директора и старший научный сотрудник Программы «Россия и Евразия» Центра стратегических и международных исследований (CSIS)

Томас Ремингтон — профессор политологии Университета Эмори

Кевин Райан — директор Проекта по обороне и разведке в Белферовском центре науки и международных отношений Института государственного управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета

Рэндалл Стоун — профессор политологии и директор Скального центра польских и центрально-европейских исследований Рочестерского университета

Александра Вакру — исполнительный директор Центра исследований России и Евразии им. Дэвиса Гарвардского университета

Об авторах

Марлен Ларюэль — доктор философии, доцент и профессор-исследователь Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) Школы международных отношений Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Д-р Ларюэль также является содиректором Программы новых подходов к изучению безопасности в Евразии (PONARS) и директором Программы GWU по Центральной Азии. Д-р Ларюэль защитила кандидатскую диссертацию по истории в Национальном институте восточных языков и культур (INALCO, Париж) и докторскую диссертацию по политологии в парижском Институте изучения политики SciencesPo.

Андрей Картунов — Генеральный директор Российского совета по международным делам с 2011 года. Закончил МГИМО МИД СССР, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, кандидат исторических наук. Работал в Институте США и Канады, в том числе директором Отдела внешней политики США и заместителем директора Института. Преподавал международные отношения в европейских и американских университетах. Возглавлял ряд российских общественных организаций и фондов в сферах высшего образования, общественных наук и социального развития. Основные направления научной деятельности: международные отношения, внешняя и внутренняя политика России, российско-американские отношения.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998-2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004-2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995-1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Российский совет по международным делам

**РОССИЯ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Оформление — *В.В. Пучков*

Источники фото на обложке:
Справа наверху – Vostock Photo
Справа внизу – РИА Новости / Сергей Пятаков
Слева наверху – Vostock Photo

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.